

ВИКТОР ЛОУРЕНС

12+

Открытая ясность

Как перестать откладывать
и начать действовать свободно

Виктор Лоуренс

**Открытая ясность. Как
перестать застревать и начать
действовать свободно**

«Издательские решения»

Лоуренс В.

Открытая ясность. Как перестать застревать и начать действовать свободно / В. Лоуренс — «Издательские решения»,

Вы снова делаете одно и то же и ждёте другой результат? Тогда остановитесь и прочитайте это. Вы узнаете, где теряете энергию, почему застреваете и как начать двигаться без лишнего напряжения. Без теорий, без сложных схем, только то, что можно применить сразу. Эта книга экономит время, силы и нервы. Вы начнёте действовать, видеть яснее и перестанете крутиться по кругу.

© Лоуренс В.

© Издательские решения

Содержание

Открытая дверь без ручки	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Открытая ясность. Как перестать застревать и начать действовать свободно

Виктор Лоуренс

© Виктор Лоуренс, 2026

ISBN 978-5-0070-3845-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Открытая дверь без ручки

Я долго думал, что живу своей жизнью, пока однажды не заметил, как чужие голоса звучат у меня в голове громче моих собственных. Они говорили уверенно, с нажимом, как дикторы вечерних новостей: куда идти, кого слушать, что считать успехом, а что — позором. И я шел, как по натянутой нитке, боясь оступиться, хотя под ногами давно уже не было ни пропасти, ни смысла. Только привычка, вязкая, как теплый кисель, в котором трудно шевелиться, но еще труднее вырваться.

Я помню один вечер, когда вдруг поймал себя на том, что повторяю чужую фразу — и не понимаю, откуда она взялась. Я остановился посреди кухни, с кружкой остывшего чая, и подумал: а что вообще из этого всего — мое? Мои ли мысли, мои ли страхи, мои ли желания? Ответа не было. Только тишина, и в ней — слабое, едва различимое беспокойство, будто внутри меня кто-то тихо стучал.

Когда я впервые попытался усомниться, мне стало не по себе. Будто я предал кого-то важного, хотя никого рядом не было. Я словно нарушил негласный договор: быть таким, каким меня привыкли видеть. Я понял: меня держит не мир, а мои же привязанности к нему. К словам, к ролям, к ожиданиям. Все это оказалось тяжелее любого груза — потому что его не видно и некуда сбросить.

Однажды я вышел рано утром и долго бродил без цели. Город еще не проснулся, окна были темные, и только дворники медленно скребли асфальт своими метлами, как будто стирали вчерашний день. Я остановился у трещины в дороге, из которой пробивался тонкий зеленый росток. Он был нелепый, почти смешной, и в то же время упрямый. Он не спрашивал разрешения. Он не знал правил. Он просто рос. И в этом было больше правды, чем во всех моих продуманных решениях.

— Ты тоже можешь так, — сказал мне старик на скамейке, будто подслушал мои мысли. Он сидел, закутавшись в пальто, и смотрел не на меня, а куда-то в сторону, словно говорил не мне, а воздуху.

— Как? — спросил я.

— Не знать, но идти, — ответил он, и в его голосе не было ни сомнения, ни объяснений.

Я шел дальше, и эти слова не отпускали меня. Я вдруг понял, что всю жизнь пытался сначала понять, а потом действовать. Сначала убедиться, потом сделать шаг. Но, возможно, порядок другой. Возможно, шаг и есть понимание.

С тех пор я стал слушать не ответы, а вопросы. И чем их становилось больше, тем легче мне было дышать. Я перестал держаться за то, что считал собой, и обнаружил странную пустоту. Но это была не пустота потери — это было место, куда могло прийти что угодно. Пустая комната, в которой впервые открыли окно.

Я начал замечать, как часто я пытаюсь быть правым. Как будто правота — это дом, в котором можно спрятаться от неопределенности. Я ловил себя на том, что спорю не ради истины, а ради ощущения, что стою на твердой земле. Но каждый раз, когда я отпускал эту потребность, мир становился шире. Люди — неожиданнее. А я — спокойнее.

— Ты не боишься ошибиться? — спросила она однажды, глядя на меня с легкой усмешкой.

— Боюсь, — ответил я честно. — Но еще больше боюсь не попробовать.

Я стал позволять себе не знать. Сначала это пугало. В голове поднимался шум, как в комнате, где включили сразу все радио. Но если не вмешиваться, этот шум постепенно утихал. И тогда появлялось что-то другое — не мысль, не решение, а ощущение. Как будто внутри меня есть тихий компас, который не кричит, но всегда указывает направление.

Я перестал спорить с тем, что не укладывается в мои прежние рамки. Я стал слушать даже самые нелепые идеи, как слушают дождь — не пытаюсь его понять, а просто позволяю ему быть. И в этом странном согласии я начал чувствовать жизнь — не как задачу, а как движение. Не как список дел, а как поток, в который можно войти.

Иногда я все еще возвращаюсь к старому. Хочется снова зацепиться за что-то надежное, знакомое. В такие моменты я напоминаю себе о том ростке в асфальте. О том, что жизнь не спрашивает разрешения. Она просто происходит. И если я хочу быть частью этого, мне придется отпустить хотя бы часть своих страхов.

Я стал замечать, как сильно мы держимся за людей. Как будто они обязаны быть такими, какими мы их придумали. Я сам ловил себя на этом: на ожиданиях, на тихом недовольстве, когда кто-то не совпадает с моей картиной. Но когда я начал отпускать и это, отношения стали легче. Люди перестали быть проектами, которые нужно исправить.

Однажды я сказал другу:

— Странно, но чем меньше я требую от других, тем ближе они становятся.

Он усмехнулся:

— Может, потому что ты наконец перестал их переделывать?

И я понял, что это правда. Мы часто путаем любовь с попыткой сделать другого удобным. Но настоящая близость появляется там, где есть место для свободы.

Оказалось, что свобода — это не когда ты все знаешь. Свобода — это когда тебе не нужно знать заранее. Когда ты не цепляешься ни за одно из своих убеждений так, будто без него исчезнешь. Когда ты можешь сказать: «Я не уверен» — и при этом не потерять себя.

Теперь я иду без карты. Не потому что смелый, а потому что иначе не получается. Карта всегда устаревает быстрее, чем ты успеваешь её понять. А дорога меняется прямо под ногами.

Иногда мне кажется, что я только начал. Что все, что было раньше, — это подготовка к этому простому состоянию: идти и быть внимательным. Слушать, как скрипит дверь, как дышит город, как внутри тебя что-то тихо откликается.

И чем меньше я держусь, тем больше ко мне приходит. Не вещи, не ответы — а ощущение, что я на своем месте, даже если это место постоянно меняется. Как будто я наконец перестал искать опору снаружи и начал чувствовать её внутри.

Иногда я снова встречаю того старика на скамейке. Или мне кажется, что встречаю. Он всегда сидит немного в стороне, как будто не совсем здесь. Я однажды спросил его:

— А если я ошибусь?

Он пожал плечами:

— Тогда узнаешь, как это — ошибаться.

Я рассмеялся, и в этом смехе было больше облегчения, чем в любом ответе. Потому что, возможно, смысл не в том, чтобы не ошибаться. А в том, чтобы не бояться жить.

То, что внутри, невозможно подарить снаружи

Я долго думал, что могу изменить мир вокруг себя, если буду достаточно стараться. Мне казалось, что если я научусь говорить правильные слова, вести себя убедительно и действовать точно, как надо, то люди начнут реагировать иначе. Я пытался быть добрее, терпеливее, внимательнее — но внутри при этом часто оставалось раздражение, усталость и скрытое ожидание, что это заметят и оценят. И чем больше я старался казаться «правильным», тем отчетливее ощущал, что между тем, что я показываю, и тем, что есть внутри, существует разрыв.

Иногда это проявлялось в мелочах. Я мог слушать человека и кивать, но в голове в это время шёл внутренний спор. Я соглашался словами, но не соглашался внутри. И это двойное состояние выматывало сильнее, чем любой конфликт. Потому что я одновременно пытался удерживать внешний образ и подавлять внутреннюю реакцию.

Однажды я поймал себя на странной вещи: я улыбался человеку, которого в этот момент внутренне осуждал. Улыбка была правильной, почти идеальной, но в ней не было тепла. И я вдруг понял, что такие вещи чувствуют. Не словами, не логикой — каким-то другим способом. И сколько бы я ни старался выглядеть иначе, наружу все равно просачивается то, что внутри, как вода сквозь тонкую ткань.

После этого я стал наблюдать за собой внимательнее. Не оценивая, не обвиняя, а просто замечая. Когда кто-то говорил со мной резко, я отвечал так же, хотя мог бы выбрать другой тон. Когда кто-то был недоволен, во мне поднималось ответное напряжение. Я начал видеть простую связь: я не могу дать того, чего у меня нет в данный момент.

— Почему ты злишься? — спросил меня однажды знакомый.

— Потому что он так сказал, — ответил я автоматически.

— Или потому что у тебя уже есть злость?

Этот вопрос оказался не таким простым, как показался сначала. Он словно развернул меня внутрь. Я начал замечать, что мои реакции — это не только ответ на внешний мир, но и проявление того, что уже есть внутри меня. Как будто каждое событие — это всего лишь повод проявиться тому, что я ношу с собой, иногда годами.

Я стал обращать внимание на свои мысли. Не те, что звучат громко и оформлены словами, а те, что проходят фоном, почти незаметно. В них было много недовольства, сравнения, ожиданий, скрытых претензий. И если я выходил в мир с этим внутренним набором, то именно это и возвращалось ко мне — в словах, в ситуациях, в людях.

Постепенно я понял, что внешний мир — это не столько причина, сколько зеркало. Он отражает не буквально, не механически, но очень точно показывает, с чем я прихожу. И если я вижу вокруг раздражение, напряжение или холод, возможно, стоит сначала посмотреть, что происходит внутри меня самого.

Я попробовал изменить это не снаружи, а изнутри. Не сразу, не резко, а постепенно. Когда ловил себя на раздражении, я не пытался его скрыть или подавить, а просто замечал. Когда появлялась критика, я не развивал её, а отпускал, насколько это было возможно. Это было непросто, потому что привычка реагировать сильнее, чем желание наблюдать.

— Ты стал спокойнее, — сказали мне однажды.

— Возможно, — ответил я. — Я просто перестал усиливать то, что во мне появляется.

Я начал понимать, что то, что я испытываю, — это энергия. Она не застывает, она движется. И если её не подпитывать, не раскручивать, она проходит. Но если я начинаю за неё цепляться, объяснять, оправдывать, она разрастается и занимает всё пространство.

Постепенно я заметил странную вещь: люди стали реагировать иначе. Не все, не сразу, но чаще. Там, где раньше возникал конфликт, появлялось пространство для паузы. Там, где я ожидал напряжения, возникало понимание. И я понял, что дело не в том, что изменились они — изменилось то, с чем я к ним приходил.

Я вспомнил простой пример, который однажды услышал. Если сжать апельсин, из него всегда выйдет апельсиновый сок. Не важно, кто его сжимает, как сильно и при каких обстоятельствах. Выходит только то, что внутри. И с человеком происходит то же самое.

Когда на меня давят, когда ситуация становится сложной, из меня выходит то, что накоплено. Если это раздражение — будет раздражение. Если это спокойствие — будет спокойствие. И никакие внешние обстоятельства не меняют этого правила, они только создают условия для проявления.

Я стал задавать себе вопрос: что я ношу внутри? Не на уровне слов, а на уровне состояния. Есть ли во мне то, что я хочу отдавать? Или я надеюсь получить это от других, не имея этого в себе? Этот вопрос оказался неудобным, потому что он не оставляет возможности переложить ответственность.

Я начал с малого. С попытки относиться к себе чуть мягче. Замечать не только ошибки, но и то, что получается. Давать себе право не быть идеальным, не соответствовать чьим-то ожиданиям. Это не было резким поворотом, скорее постепенным смещением внутреннего фокуса.

И вместе с этим изменилось отношение к другим. Я стал меньше требовать и больше замечать. Меньше ожидать и больше принимать. Это не означало согласия со всем, но означало отказ от постоянного внутреннего сопротивления.

— Ты стал терпимее, — сказал мне кто-то.

— Возможно, — ответил я. — Я просто перестал считать, что все должны быть такими, как я хочу.

Я начал понимать, что если я хочу видеть в мире больше спокойствия, мне нужно начать с себя. Не как с лозунга, а как с практики. В каждом разговоре, в каждой реакции, в каждом моменте, где есть выбор — усилить или отпустить.

Иногда я всё ещё возвращался к старым привычкам. Злился, раздражался, замыкался. Но теперь я видел это быстрее и мог остановиться раньше. Это не исчезло, но перестало управлять мной так, как раньше.

Я стал замечать ещё одну вещь: когда внутри есть уважение к себе, оно естественным образом распространяется на других. И тогда нет необходимости доказывать, защищаться или нападать. Появляется простое состояние — быть.

И с каждым разом это становилось чуть проще. Не потому что мир менялся, а потому что менялось моё внутреннее состояние. И вместе с этим менялось всё остальное — разговоры, реакции, даже случайные встречи.

Я больше не пытаюсь дать то, чего у меня нет. И не жду этого от других. Я просто стараюсь наполнять себя тем, что хочу видеть вокруг — спокойствием, вниманием, ясностью. Это не всегда получается, но когда получается, я вижу, как это возвращается ко мне.

И тогда становится очевидно: всё, что я отдаю, — это то, что у меня есть. И всё, что я получаю, так или иначе связано с этим. И в этом есть простота, которая сначала пугает, а потом освобождает.

След, который не ведёт вперёд

Я долго жил, оглядываясь назад, как будто именно там находился ответ на всё, что происходит со мной сейчас. Прошлое казалось мне чем-то вроде карты, по которой можно ориентироваться, если внимательно её изучить и ничего не упустить. Я возвращался к событиям, прокручивал разговоры, вспоминал ошибки, словно надеялся найти в них объяснение настоящего и гарантию будущего. И чем чаще я это делал, тем сильнее ощущал, что застреваю в том, что уже не существует.

Было ощущение, будто я тащу за собой тяжёлый след, который не даёт двигаться свободно. Этот след не был виден, но я чувствовал его вес в каждом решении. Каждое воспоминание становилось не просто фактом, а объяснением того, почему я такой, какой есть. Я говорил себе: «Я не могу иначе, потому что было вот так», и в этом «потому что» было что-то успокаивающее, но одновременно ограничивающее.

Я заметил, что часто начинаю рассказ о себе с прошлого. Как будто без него я не существую, как будто мне нужно сначала объяснить, прежде чем просто быть. Я называл причины, оправдания, обстоятельства, словно собирал доказательства собственной неизменности. И чем больше я говорил об этом, тем прочнее становилась эта история, словно я сам её укрепляю.

Иногда это доходило до странного: я начинал предугадывать своё поведение, исходя из того, каким был раньше. Я словно заранее соглашался с тем, что не смогу изменить привычный ход. Это давало иллюзию предсказуемости, но лишало возможности выбора.

Однажды я услышал простую мысль: прошлое не может двигать тебя вперёд. Сначала она показалась очевидной, почти банальной, как фраза, которую слышал много раз. Но потом

я понял, что веду себя так, будто это не так. Как будто именно прошлое определяет каждое моё действие сейчас, как будто оно имеет силу, которой на самом деле не обладает.

Я представил себе лодку, за которой тянется след по воде. Этот след виден, он очевиден, он показывает, где лодка была. Но он не толкает её вперёд, не задаёт направление, не принимает решений. Движение происходит здесь и сейчас — от того, что есть в настоящем моменте, от усилия, которое прикладывается прямо сейчас.

— Почему ты всё время возвращаешься к этому? — спросил меня кто-то.

— Потому что это объясняет многое, — ответил я.

— Или потому что ты привык так думать?

Этот вопрос оказался неприятным, почти раздражающим. Потому что в нём не было обвинения, но была точка, в которую не хотелось смотреть. Я начал замечать, как часто использую прошлое как оправдание бездействия или страха, как удобную форму объяснения того, почему я остаюсь на месте.

Я стал внимательнее относиться к тому, как говорю о себе. Когда ловил себя на фразах вроде «я всегда был таким» или «со мной так было», я останавливался. Потому что за этими словами скрывалось не описание, а закрепление, почти приказ самому себе не меняться.

Постепенно я начал пробовать смотреть на прошлое иначе. Не как на определение, а как на факт. То, что произошло — произошло. Оно не исчезнет, не перепишется, но и не обязано определять, что будет дальше. Это было непривычно, потому что раньше я воспринимал прошлое как основу, а не как часть.

Иногда я снова возвращался к старым историям. Воспоминания тянули, как привычная дорога, по которой легко идти. Я снова переживал, объяснял, искал виноватых или оправдания. Но теперь я видел, что это не приводит к движению, что это замкнутый круг.

— Значит, прошлое не важно? — спросили меня.

— Важно, — ответил я. — Но не так, как я думал раньше.

Я начал понимать, что прошлое можно использовать не как якорь, а как опыт. Не как оправдание, а как материал для понимания. Оно не должно управлять, но может быть осмыслено, принято и отпущено.

Иногда я представлял, что держу в руках что-то тяжёлое. И спрашивал себя: нужно ли мне это нести дальше? Не потому что это моё, а потому что я привык держать. И в этом вопросе было больше честности, чем во всех попытках объяснить.

Я заметил, что когда я отпускаю хотя бы часть этого груза, появляется лёгкость. Не сразу, не полностью, но достаточно, чтобы сделать следующий шаг без прежнего напряжения. Как будто освобождается место для движения.

Я стал чаще возвращаться к текущему моменту. К тому, что происходит сейчас, без попытки объяснить это через прошлое. И в этом было что-то неожиданное — ощущение свободы, которое не нужно заслуживать или оправдывать.

Не свободы от всего, а свободы выбора. Потому что если настоящее не полностью определяется прошлым, значит, у меня есть возможность действовать иначе, чем раньше. И это оказалось важнее любых объяснений.

Иногда я всё ещё ловлю себя на старых мыслях. На желании объяснить, оправдать, сослаться на то, что было. Это происходит почти автоматически, как старая привычка. Но теперь я могу остановиться и задать себе простой вопрос: помогает ли это двигаться дальше?

И если ответ — нет, я стараюсь отпустить. Не забыть, не стереть, не отрицать, а именно отпустить. Как отпускают то, что больше не нужно держать, даже если оно когда-то было важным.

Я не могу изменить то, что было. Но я могу перестать использовать это как ограничение, как доказательство того, что я не могу иначе. И, возможно, этого уже достаточно, чтобы начать двигаться иначе, чем раньше.

Теперь я всё чаще замечаю, что настоящий момент не требует объяснений. Он не спрашивает, что было вчера, он просто предлагает действие сейчас. И именно в нём происходит всё, что действительно имеет значение.

И чем меньше я пытаюсь жить из прошлого, тем больше появляется ощущение, что жизнь происходит прямо сейчас, а не где-то там, в воспоминаниях. И это ощущение постепенно становится устойчивым, как опора, которую не нужно искать вовне.

Иное мышление не рождает прежние узлы

Я долго пытался решать одни и те же трудности тем же способом, который их когда-то и породил. Мне казалось логичным усилить усилие, добавить контроля, ещё раз всё обдумать — и тогда всё сложится, как будто проблема поддаётся нажиму. Но каждый новый круг возвращал меня в ту же точку, только с большей усталостью и разочарованием. Я словно менял скорость, но не направление, и удивлялся, почему не приближаюсь к выходу.

Это было похоже на движение по кругу, где каждый следующий виток кажется новым, но на самом деле повторяет предыдущий. Я добавлял усилие, напряжение, даже настойчивость, считая это признаком силы. Но внутри нарастало ощущение, что я бьюсь в закрытую дверь, не замечая, что она вообще может открываться иначе. И чем сильнее я пытался «решить», тем крепче становился сам узел.

Я заметил, что мои решения всегда выходят из одного и того же набора убеждений. Я смотрел на ситуацию через привычные фильтры, и потому получал привычные результаты, даже если внешние обстоятельства менялись. Это было похоже на попытку выйти из комнаты, не замечая, что дверь находится не там, где я ищу. Я ходил по периметру и называл это поиском, хотя на самом деле просто повторял маршрут.

Однажды мне сказали: «Попробуй посмотреть иначе». Я ответил, что уже пробовал всё, и в этом «всё» была уверенность, почти упрямство. Но потом я понял, что «всё» — это вариации одного и того же взгляда, обёрнутые в разные слова. Я менял детали, но не менял основу, и потому сохранял прежнюю форму проблемы, как будто подменял декорации, не трогая сценарий.

Я стал наблюдать, как именно думаю, когда сталкиваюсь с трудностью. Какие слова использую, какие выводы делаю, на что опираюсь, что считаю очевидным. И увидел, что многое из этого — автоматизм, который я принимаю за истину, не проверяя. В нём почти нет свежего взгляда, только повторение того, что уже было.

— Ты уверен, что это проблема? — спросили меня.

— А что же ещё? — ответил я.

— Возможно, это способ смотреть.

Этот поворот оказался важнее любого совета. Если то, что я называю проблемой, связано с тем, как я на неё смотрю, значит, изменив взгляд, я меняю и саму ситуацию. Не исчезает факт, не меняются внешние обстоятельства мгновенно, но меняется отношение к ним, а вместе с ним — и возможные действия.

Я попробовал на практике. В одной ситуации, где раньше я видел тупик, я решил не спешить с оценкой и не давать привычного названия происходящему. Оставить место для неопределённости, не заполнять его сразу выводами. И обнаружил, что напряжение снижается, а варианты появляются сами собой, словно им просто нужно было пространство.

Это не было магией и не выглядело как внезапное озарение. Скорее, исчезло давление необходимости немедленно «решить», «исправить» или «доказать». И в этом освобождённом пространстве стало возможно увидеть то, что раньше было закрыто. Как будто свет изменился, и знакомая комната стала выглядеть иначе, хотя предметы остались прежними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.